

в лице академии. Наличие женско-центрированного университета (Rich, 1979) требует того, чтобы женщины хотя бы в нем были, и далее — чтобы женщины были на властных позициях, чтобы осуществлять изменения ради женщин. Критика культуры, истории и процедур, поддерживающих институт, через чьи порядки мы стремимся продвигаться и ожидаем, что наша критика будет воспринята как мощное средство для этого продвижения, действительно является трудной задачей. То, как мы лично разрешаем многообразные противоречия, свойственные этой проблеме, не может быть [кем-то] предписано, но возникает из наших собственных приверженностей и потребностей, так же как и из тех условий, в которых мы оказываемся². Какие бы ни были особые риски и компромиссы, на которые мы можем пойти, покидаем ли мы академию или пытаемся развить ее или выживать в ней, в нашей борьбе нас ведет цель — создать изменения для женщин.

¹ See, for example, Rutenberg 'Learning Women's Studies'.

² Коллективная стратегия не менее сложная, но она действительно придает объединению ту власть, которой может не доставать индивиду. Прекрасный анализ примера успешной организации в университете см. Karen Childers, Phillis Rackin, Cynthia Secor, and Carol Tracy 'A Network of One's Own', неопубликованная статья.

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОЛИТОЛОГИИ

*От перераспределения к признанию?
Дилеммы справедливости в "пост-социалистскую" эпоху*

Ненси Фрейджер

В конце двадцатого века "борьба за признание" быстро становится парадигмальной формой политического конфликта. Борьбу групп, сплотившихся под знаменами национальности, этничности, "расы", гендера и сексуальности, питают требования "признать различие". В этих "пост-социалистских" конфлик-

Перевод с английского Завена Баблюяна.

Перевод с сокращениями выполнен по изданию "From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in a 'Post-Socialist' Age," *New Left Review* 212 (July/August 1995): 68-93.

Эта статья — слегка пересмотренная версия лекции, прочитанной на симпозиуме по политическому либерализму на кафедре философии Университета Мичигана в марте 1995 года. Я глубоко благодарна всем тем, кто поддержал мои изыскания: это the Bohen Foundation, the Institut für die Wissenschaften vom Menschen (Vienna), the Humanities Research Institute of the University of California at Irvine, the Center for Urban Affairs and Policy Research at Northwestern University, the Dean of the Graduate Faculty of the New School for Social Research. Я также благодарна всем, кто высказал ценные комментарии: это Robin Blackburn, Judith Butler, Angela Harris, Randall Kennedy, Ted Koditschek, Jane Mansbridge, Mika Manty, Linda Nicholson, Eli Zaretsky и члены рабочей группы "Феминизм и дискурсы власти" в the Humanities Research Institute of the University of California, Irvine.

тах классовый интерес как основное средство политического сплочения замещается групповой идентичностью, а эксплуатация как фундаментальная несправедливость — культурным доминированием. И культурное признание замещает социоэкономическое перераспределение в качестве защиты от несправедливости и цели политической борьбы.

Но это, конечно, не вся история. Борьба за признание разворачивается в мире обострившегося материального неравенства — неравенства в прибыли и владении собственностью; в доступности оплачиваемой работы, образования, здравоохранения и досуга; но также и более разительно — в потреблении калорий и открытости токсичной окружающей среде, а значит и в продолжительности жизни и уровнях заболеваемости и смертности. Материальное неравенство усугубляется в большинстве стран мира — в Соединенных Штатах и на Гаити, в Швеции и в Индии, в России и в Бразилии. Оно также растет глобально, наиболее разительно — по линии, отделяющей Север от Юга. Как же тогда мы должны относиться к помрачению социалистского воображаемого, центрированного на таких терминах, как “интересы”, “эксплуатация” и “перераспределение”? И что нам делать с ростом нового политического воображаемого, центрированного на понятиях “идентичности”, “различия”, “культурного доминирования” и “признания”? Не означает ли этот сдвиг собой провал в “ложное сознание”? Или это скорее компенсация культурной слепоты материалистской парадигмы, заслуженно дискредитированной крахом советского коммунизма?

На мой взгляд, ни одна из этих двух установок не адекватна [ситуации]. Обе они чересчур обобщены и лишены нюансов. Не принимая или отвергая безоглядно все виды политик идентичности, мы должны понять стоящую перед нами новую интеллектуальную и практическую задачу: задачу развития критической теории признания, определяющей и защищающей только такие типы культурных политик различия, что могут непротиворечиво стыковаться с социальными политиками равенства.

Формулируя свой проект, я предполагаю, что справедливость сегодня требует как перераспределения, так и признания. И я предлагаю проанализировать отношение между ними. В частности, это подразумевает исследование вопроса о том, как можно концептуализовать культурное признание и социальное равенство в формах, что поддерживали бы, а не расшатывали друг друга (ведь существует столько соперничающих концепций и того, и другого!). Это также подразумевает теоретический анализ того, каким образом экономическая и культурная дискриминация сегодня переплетаются и поддерживают друг друга. И затем мой проект также требует прояснения политических дилемм, возникающих тогда, когда мы пытаемся сразаться с двумя этими типами несправедливости одновременно.

Моя сверхзадача — соединить две политических проблематики, что сегодня существуют независимо друг от друга. Поскольку только артикулируя

признание и перераспределение мы можем достичь такой критико-теоретической структуры, что была бы адекватна запросам нашей эпохи. Этого, однако, вряд ли можно достичь прямо сейчас. Потому далее я рассмотрю только один аспект проблемы. При каких условиях политики признания могут сомкнуться с политиками перераспределения? И когда наиболее вероятно их взаимное расшатывание? Какие именно из всего многообразия политики идентичности наилучшим образом подключаются к фронтам борьбы за социальное равенство? И какие склонны мешать таковой?

Эти вопросы я буду относить к тем аспектам несправедливости, что являются одновременно культурными и социоэкономическими, а парадигмально относятся к гендеру [...] (и наоборот, я мало буду говорить об этничности и национальности¹). И еще я должна сделать одно важное предварительное замечание: предлагая оценивать требования признания с точки зрения социального равенства, я полагаю, что весь набор политик признания, пренебрегающих правами человека, категорически неприемлем — даже когда такие политики проводят в жизнь социальное равенство.²

И наконец, два слова о методе: в этом тексте я придерживаюсь определенной системы аналитических разграничений, как то: культурная несправедливость \ экономическая несправедливость; признание \ перераспределение и т.д. В реальной жизни, разумеется, культура и политическая экономия всегда переплетены; и в сущности любая борьба против несправедливости — правильно понятая — предполагает требования как перераспределения, так и признания. Тем не менее для эвристических целей аналитические разграничения просто необходимы. Только абстрагируясь от всей сложности реальной жизни, мы можем изобретать концептуальные схемы, что позволяют ее понять. Таким образом, аналитически разграничивая перераспределение и признание, демонстрируя их различительную логику, я стараюсь прояснить некоторые центральные дилеммы нашей эпохи — и предложить для них решения.

Все обсуждение я разделила на четыре части. В первой я концептуализую перераспределение и признание как две аналитически отдельные парадигмы справедливости и формулирую “дилемму перераспределения-признания”. Во второй я выделяю три идеал-типических модуса социального коллективизма с целью определить те, что пасуют перед этой дилеммой. В части третьей я ввожу разграничение между “утвердительными” и “преобразовательными” методами устранения/компенсации несправедливости, и исследую соответствующие им логики коллективности. Наконец, я использую эти разграничения в части четвертой, предлагая политическую стратегию, интегрирующую требования признания с требованиями перераспределения — и позволяющую свести к минимуму их несовместимость.

1. Дилемма перераспределения-признания

Давайте начнем с описания определенных сложностей современной “пост-социалистской” политической жизни. При децентрации класса различные социальные движения сплавиваются на пересечении осей различия. Направленные на целый спектр несправедливостей, их требования во многом совпадают — и временами конфликтуют. Требования культурных изменений смешиваются с требованиями экономических изменений, как внутри социальных движений, так и между ними. Все более заметно, однако, доминируют запросы, базирующиеся на идентичности, тогда как проекты перераспределения явно идут на убыль. В результате возникает сложное политическое поле, где почти отсутствует программная согласованность.

Чтобы прояснить ситуацию и наличествующие политические проекты, я предлагаю различать два широко понимаемых и аналитически раздельных типа несправедливости. Первый тип — несправедливость социоэкономическая, что коренится в политико-экономической структуре общества. Примеры включают в себя эксплуатацию (когда плоды труда одного человека апроприируются в пользу другого); экономическую маргинализацию (когда трудовая деятельность ограничивается плохой или плохооплачиваемой работой или вообще перекрыт доступ к приносящей доход работе); депривацию/бедность (препятствование адекватному материальному стандарту жизни).

Теоретики эгалитарности долго стремились концептуализовать природу этих социоэкономических несправедливостей. В числе таких подходов — теория капиталистической эксплуатации Маркса, подход Джона Роулза к справедливости как к честному распределению “первичных благ” [“primary goods”], подход Амартии Сена — что справедливость требует гарантии того, что все люди имеют одинаковые “возможности деятельности” [“capabilities to function”], и подход Роналда Дворкина — что для справедливости необходимо “равенство ресурсов” [“equality of resources”].³ Для моих целей, однако, не требуется, чтобы мы посвящали себя целиком какому-то одному частному теоретическому подходу, — нам нужно только в общем и целом принять понимание социоэкономической несправедливости, базирующееся на приверженности к эгалитаризму.

Второй тип — несправедливость культурная или символическая. Она укоренена в социальных паттернах репрезентации, интерпретации и коммуникации. Примеры включают в себя культурное доминирование (когда человек подпадает под паттерны интерпретации и коммуникации, что ассоциированы с другой культурой и чужды или враждебны его собственной); непризнание (когда человек невидим в значимых репрезентационных, коммуникативных и интерпретативных практиках культуры); и неуважение (когда человек постоянно

опорочивается или унижается в стереотипных публичных культурных репрезентациях или в повседневных взаимодействиях).

Некоторые политические теоретики в последнее время стремились концептуализовать природу этих культурных или символических несправедливостей. Чарльз Тэйлор, например, использовал гегелевские понятия, показывая, что:

“Непризнание или недопризнание... может быть формой подавления, заключающая человека в неверный, искаженный, редуцированный модус бытия. Помимо отсутствия уважения, оно может причинять болезненные раны, взваливая на плечи человека деформирующую ненависть к себе. Должное признание — это не просто этикет, но жизненная необходимость для человека.”⁴

Подобным образом Эксель Хоннет показал, что:

“наша целостность зависит... от получения подтверждения или признания от других людей. {Такие негативные понятия, как “оскорбление” или “унижение”} соответствуют формам неуважения, отказа в признании. {Они} используются для того, чтобы характеризовать формы поведения, что не являются несправедливостью только потому, что ограничивают свободу действия субъектов или наносят им ущерб. Скорее такое поведение несправедливо потому, что снижает позитивное восприятие людьми самих себя — восприятие, что достигается intersубъективно.”⁵

Подобные концепции наполняют работы многих других критических теоретиков, что не пользуются термином “признание”.⁶ Однако опять же — нам не нужно останавливаться на какой-то конкретной теоретической позиции. Нужно только в общем и целом принять понимание культурной несправедливости как отличной от несправедливости социоэкономической.

Несмотря на различия между ними, как социоэкономическая несправедливость, так и культурная несправедливость пронизывают все современные общества. Обе коренятся в процессах и практиках, что систематически дискриминируют определенные группы людей по отношению к другим. И обе, соответственно, должны компенсироваться.⁷

Конечно, это всего лишь аналитическое разграничение между несправедливостью экономической и культурной. На практике они взаимосвязаны. Даже наиболее материальные экономические институты обладают конститутивным нередуцируемым культурным измерением; они пронизаны сигнификациями и нормами. И наоборот, даже самые дискурсивные культурные практики обладают конститутивным нередуцируемым политико-экономическим измерением; они опираются на материальную поддержку. Так что, вовсе не являясь отдельными герметичными сферами, несправедливость экономическая и культурная обычно сплетены таким образом, что диалектически они усиливают друг друга. Культурные нормы, что незаслуженно дискриминируют кого-то, институционализированы в государстве и экономике; в то же время экономическое неравен-

ство препятствует равному участию в созидании культуры, в публичных сферах и в повседневной жизни. Результатом же часто становится порочный круг культурного и экономического угнетения.⁸

Несмотря на такую их взаимопереплетенность, я настаиваю на аналитическом различении экономической и культурной несправедливости. И кроме того я буду различать два соответственно отдельных типа компенсации. Компенсацией или исправлением экономической несправедливости является некоторое политико-экономическое реструктурирование. Сюда может входить перераспределение дохода, реорганизация разделения труда, демократические процедуры принятия решений по инвестициям — или трансформация других базовых экономических структур. Хотя разные способы такой компенсации существенно отличаются друг от друга, я все же впредь буду обозначать всю эту группу обобщающим термином “перераспределение”.⁹ Компенсацией или исправлением культурной несправедливости, наоборот, являются определенные культурные или символические изменения. Сюда может входить переоценка в лучшую сторону лишенных доселе уважения идентичностей и культурных продуктов опороченных групп. Сюда может относиться признание культурного разнообразия и позитивная его оценка. Если подойти к делу еще радикальней, сюда может входить глобальная трансформация социальных паттернов репрезентации, интерпретации и коммуникации — таким образом, чтобы ощущение “я” изменилось у каждого.¹⁰ Хотя разные способы такой компенсации существенно отличаются друг от друга, я все же впредь буду обозначать всю эту группу обобщающим термином “признание”.

Опять же, разграничение между компенсаторным перераспределением и компенсаторным признанием — чисто аналитическое. Компенсаторное перераспределение в общем смысле предполагает лежащую в его основе концепцию признания. Например, некоторые сторонники эгалитаристского социоэкономического перераспределения обосновывают свои требования “одинаковой моральной ценностью персон”; следовательно, они трактуют перераспределение как выражение признания.¹¹ И наоборот, компенсаторное признание иногда предполагает лежащую в его основе концепцию перераспределения. Например, некоторые сторонники мультикультурного признания обосновывают свои требования императивом справедливого распределения “первичного блага” “нетронутой культурной структуры”; тем самым они трактуют культурное признание как некую разновидность перераспределения.¹² Несмотря на такую концептуальную переплетенность, я оставлю в стороне вопросы следующего типа: составляют ли перераспределение и признание две отдельных, несводимых друг к другу, уникальных концепции справедливости, или наоборот, каждая из них может быть сведена к другой.¹³ Вместо этого я полагаю, что как бы мы ни объясняли это метатеоретически, полезно удерживать рабочее, действующее в первом приближении разделение на социоэкономическую несправедли-

вость и способы ее устранения с одной стороны, и культурную несправедливость и способы ее устранения с другой.¹⁴

Принимая во внимание эти разграничения, теперь я могу поставить следующие вопросы: Каково отношение между требованиями признания, нацеленными на устранение культурной несправедливости, и требованиями перераспределения, нацеленными на исправление экономической несправедливости? И какого сорта взаимные помехи могут возникнуть, когда оба типа требований выдвигаются одновременно?

Есть достаточно причин беспокоиться о таких взаимных помехах. Требования признания часто принимают форму привлечения внимания к предполагаемой специфике некоторой группы — если не перформативного создания такой специфики — и затем утверждения ценности этой специфики. Т.о. они стремятся способствовать различению групп. Требования перераспределения, наоборот, часто призывают устранить экономические механизмы, поддерживающие специфику группы. (Примером могут служить феминистские требования устранить гендерное разделение труда). Т.о. они стремятся способствовать различению групп. В итоге же начинает казаться, что политики признания и политики перераспределения имеют взаимно противоречащие цели. В то время как первые стремятся способствовать различению групп, вторые стремятся ее подорвать. Таким образом возникает напряжение между этими двумя типами требований; они могут мешать и даже напрямую вредить друг другу.

Так возникает трудная дилемма. В дальнейшем я буду называть ее дилеммой перераспределения-признания. Люди, страдающие как от культурной, так и от экономической несправедливости, нуждаются как в признании, так и в перераспределении. Значит, они должны как провозглашать, так и отрицать свою специфику. Как это возможно — и возможно ли вообще?

Прежде чем браться за этот вопрос, рассмотрим более подробно, кто сталкивается с дилеммой перераспределения-признания.

2. Эксплуатируемые классы, презируемые сексуальности и бивалентные сообщества

Представим себе концептуальный спектр различных типов социальных сообществ. На одном краю его — модусы коллективности, что соответствуют перераспределительной модели справедливости. На другом краю — модусы коллективности, что соответствуют модели признания. Между ними — те варианты, что доказывают сложность [ситуации], поскольку они соответствуют обоим моделям одновременно.

Рассмотрим сначала тот край спектра, на котором действует перераспределение. На этом краю давайте разместим идеал-типический модус сообще-

ства, чье существование коренится целиком в политической экономии. Оно будет вычлениваться как сообщество, иными словами, благодаря экономической структуре — но не культурному порядку — общества. Потому любая структурная несправедливость, от которой страдают его члены, будет сводиться в конечном счете к политической экономии. Корнем несправедливости, так же как и ее ядром, будет неправильное социоэкономическое распределение, а любая сопутствующая культурная несправедливость будет происходить в конечном счете от этого экономического корня. По сути, таким образом, компенсацией, устраняющей несправедливость, будет политико-экономическое перераспределение — в противовес культурному признанию.

В реальной жизни, разумеется, политическая экономия и культура взаимно переплетены, так же как несправедливости распределения и признания. Так что можно усомниться в существовании подобного рода чистых сообществ. В эвристических целях, однако, будет полезно исследовать их свойства. Для этого рассмотрим знакомый пример, что можно считать близким к идеальному типу: марксистскую концепцию эксплуатируемого класса, понимаемую в теоретическом смысле и ортодоксально.¹⁵ И давайте опустим вопрос о том, адекватно ли такое воззрение на класс тем реальным историческим сообществам, что боролись за справедливость в реальной жизни от имени рабочего класса.¹⁶

В принимаемой здесь концепции класс есть модус социального различия, коренящийся в социально-экономической структуре общества. Класс как сообщество существует только благодаря своему положению в этой структуре и своему отношению к другим классам. Таким образом, марксов рабочий класс есть совокупность людей, живущих в капиталистическом обществе, что вынуждены продавать свою рабочую силу в условиях, что позволяют классу капиталистов присваивать прибавочный продукт в свою пользу. Более того, несправедливость в таких условиях связана по самой своей сути с распределением. В капиталистической схеме социального воспроизводства пролетариату достается несправедливо большая часть тягот и несправедливо малая часть вознаграждения. Конечно, представители рабочего класса страдают также от серьезной культурной несправедливости, “скрытого (и не столь уж скрытого) классового унижения”. Причина таковой коренится отнюдь не в самой по себе несправедливой культурной структуре, но в политической экономии, поскольку причина распространения идеологий классовой иерархии — оправдание эксплуатации.¹⁷ Компенсацией несправедливости, следовательно, является перераспределение, а не признание. Для преодоления классовой эксплуатации необходимо реструктурирование политической экономии, изменяющее классовое распределение социальных тягот и социальных благ. В концепции Маркса такое реструктурирование принимает форму разрушения классовой структуры как таковой. Задача пролетариата, таким образом, не просто отхватить себе

кусочек получше, но “ликвидировать себя как класс”. Признание его различия\особенности ему нужно менее всего. Наоборот, единственный способ устранить несправедливость — это ликвидация пролетариата как группы.

Теперь рассмотрим другой край концептуального спектра. На этом краю мы можем разместить идеал-типичский модус коллективности, что соответствует модели признания. Сообщество такого типа укоренено целиком в культуре — как противоположности политической экономии. Оно существует как сообщество только благодаря царящим социальным шаблонам интерпретации и оценки, но не благодаря разделению труда. Потому любая структурная несправедливость, от которой страдают его члены, будет сводиться в конечном счете к структуре культурных оценок. Корнем несправедливости, так же как и ее ядром, будет недопризнание, а любая сопутствующая экономическая несправедливость будет происходить в конечном счете от этого культурного корня. По сути, таким образом, компенсацией, устраняющей несправедливость, будет культурное признание — в противовес политико-экономическому перераспределению.

И опять можно усомниться в существовании подобного рода чистых сообществ, однако будет полезно исследовать их свойства в эвристических целях. Примером, что можно считать близким к идеальному типу, является концепция презируемой сексуальности, понимаемая теоретическим и специфически стилизованным образом.¹⁸ Давайте рассмотрим эту концепцию, не затрагивая вопрос о том, адекватен ли такой подход к сексуальности тем реальным историческим гомосексуальным сообществам, что добиваются справедливости в реальном мире.

В этой концепции сексуальность есть модус социального различия, коренящийся отнюдь не в политической экономии, поскольку гомосексуалы распределены по всей классовой структуре капиталистического общества, не занимая четко ограниченной позиции в разделении труда и не составляя эксплуатируемого класса. Скорее их модус коллективности — это модус презируемой сексуальности, что коренится в общественной структуре культурных оценок. С этой точки зрения, несправедливость, от которой они страдают, по самой своей сути связана с признанием. Геи и лесбиянки страдают от гетеросексизма: жесткой совокупности норм, дающей приоритет гетеросексуальности. Рядом с этим располагается гомофобия: негативная культурная оценка гомосексуальности. Их сексуальность таким образом дискредитируется, их стыдят, домогаются, дискриминируют, подвергают насилию, отказывая им в равных правах и равной защите — полностью отказывая им в признании. Конечно, геи и лесбиянки страдают также от серьезной экономической несправедливости; их легко увольняют и отказывают в рассчитанных на семью благах социального обеспечения. Но причина таковой коренится отнюдь не в экономической структуре, а в несправедливой структуре культурных оценок.¹⁹ Компенсацией несправед-

ливости, следовательно, является признание, а не перераспределение. Для преодоления гомофобии и гетеросексизма необходимы изменения в культурных оценках (так же, как в их юридических и практических проявлениях), что дают приоритет гетеросексуальности, отказывая геям и лесбиянкам в равном уважении и отказываясь признать гомосексуальность как легитимный способ существования сексуальности. Это значит — вернуть положительную оценку презируемой сексуальности, придать позитивное признание сексуальной специфике геев и лесбиянок.

Все достаточно прямолинейно в отношении краев нашего концептуального спектра. Когда мы имеем дело с сообществами, приближающимися к идеальному типу эксплуатируемого рабочего класса, мы обнаруживаем несправедливости в распределении, что требуют компенсационного перераспределения. Когда мы имеем дело с сообществами, что приближаются к идеальному типу презируемой сексуальности, наоборот, мы обнаруживаем несправедливости недопризнания, что требуют компенсационного признания. В первом случае логика компенсации приводит к ликвидации группы как собственно группы. Во втором случае, наоборот, к укреплению “групповости” группы через признание ее специфики.

И все куда менее понятно при некотором отдалении от краев спектра. Рассматривая сообщества, расположенные в средней части концептуального спектра, мы находим гибридные модусы, что сочетают особенности эксплуатируемого класса с особенностями презируемой сексуальности. Такие сообщества “бивалентны”. Они вычлняются как сообщества благодаря как политико-экономической структуре, так и структуре культурных оценок в обществе. Будучи дискриминированными, т.о., они могут страдать от несправедливостей, что являются следствиями и политической экономии, и культуры разом. Бивалентные сообщества, говоря в целом, могут страдать как от неадекватного социоэкономического распределения, так и от культурного недопризнания, принимающих такие формы, что ни одна из этих несправедливостей не является косвенным эффектом другой, но обе они первичны и равнонезависимы. В этом случае недостаточно ни компенсационного перераспределения самого по себе, ни компенсационного признания самого по себе. Бивалентные сообщества нуждаются и в том, и в другом.

Парадигмально бивалентной коллективностью является [...] гендер, обладающий как политико-экономическими, так и культурно-оценочными измерениями. [...] Следовательно, гендер подразумевает как перераспределение, так и признание.

Гендер, например, обладает политико-экономическими измерениями. Он является базовым структурирующим принципом политической экономии. С одной стороны, гендер структурирует фундаментальное разделение между оплачиваемым “продуктивным” трудом и неоплачиваемым “репродуктивным”

и домашним трудом, назначая женщин ответственными за последний. С другой стороны, гендер также структурирует разделение в рамках оплачиваемого труда между высокооплачиваемыми, “мужскими” профессиями в сфере производства и/или требующими высокой квалификации, и низкооплачиваемыми, “женскими” профессиями в непроеизводственной сфере и сфере обслуживания. Результатом является политико-экономическая структура, что формирует гендерно-специфические модусы эксплуатации, маргинализации и депривации, или бедности. Эта структура конструирует гендер как политико-экономическое различие, наделенное характеристиками, подобными классовым. Рассматриваемая в таком аспекте, гендерная несправедливость выглядит как разновидность несправедливости в распределении, что вопиет о компенсационном перераспределении. Подобно классовой, гендерная справедливость требует такой трансформации политической экономии, что ликвидировала бы ее внутреннюю гендерную структуру. Ликвидация гендерно-специфической эксплуатации, маргинализации и депривации требует устранения гендерного разделения труда — как обусловленное гендером разделение между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом, так и гендерное разделение в рамках труда оплачиваемого. Логика компенсации тут подобна логике в отношении класса: вывести из игры гендер как таковой. Суммируем: если бы гендер был ничем иным, как политико-экономическим различием, то справедливость требовала бы его ликвидации.

Это, однако, только половина истории. Фактически гендер не только политико-экономическое различие, но также и различие в культурных оценках. В таком качестве он заключает в себе также элементы, более напоминающие сексуальность, чем класс, что поворачивают его лицом к проблематике признания. Безусловно, основной особенностью гендерной несправедливости является андроцентризм: властная система норм, в рамках которой приоритет имеют черты, ассоциируемые с маскулинностью. С этим связан и культурный сексизм: вездесущее обесценивание и дискредитация всего, что кодируется как “феминное”, парадигматически — женщин (но не только их)²⁰. Это обесценивание выражается во множестве зол, от которых страдают женщины, включая сексуальную агрессию, сексуальную эксплуатацию, вездесущее домашнее насилие; опощающие, лишаящие человеческого достоинства и унижительные стереотипные изображения в масс-медиа; притеснения и дискредитацию в повседневной жизни; применение к ним андроцентричных норм, по отношению к которым женщины выглядят недееспособными или девиантными, и которые работают против них даже в отсутствии стремления их дискриминировать; намеренная дискриминация; исключение или маргинализация их в публичной сфере и органах власти; отказ в полноте всех законных прав и равной защите. Все это — несправедливости признания. Они относительно независимы от политической экономии и не являются всего лишь “надстроечными”.

Так что они не могут компенсироваться одним лишь политико-экономическим перераспределением, но кроме того требуют дополнительно независимого компенсаторного признания. Для преодоления андроцентризма и сексизма необходимы изменения в тех культурных оценках (так же, как в их юридическом и практическом выражении), что дают приоритет маскулинности и отказывают женщинам в равном уважении. Необходима децентрация андроцентричных норм и переоценка презиаемого гендера. Логика компенсации тут подобна логике в отношении сексуальности: придать позитивное признание обесцененной специфике группы.

Суммируем: гендер является бивалентным модусом коллективности. Он обладает политико-экономическим "лицом", что обращено в сторону перераспределения, но также и "лицом" культурных оценок, что в это же время обращено в сторону признания. Конечно, эти два лица не отделены отчетливо одно от другого. Скорее они сливаются в одно, диалектически упрочивая друг друга: сексистские и андроцентрические культурные нормы институционализированы в государстве и экономике, тогда как экономическая дискриминация женщин приглушает их "голос", мешая их равному участию в создании культуры, в публичной сфере, в повседневной жизни. Результатом же является порочный круг культурного и экономического угнетения. Для устранения гендерной несправедливости, таким образом, необходимы изменения как в политической экономике, так и в культуре.

Но бивалентный характер гендера и является источником дилеммы. Поскольку женщины страдают как минимум от двух аналитически различных типов несправедливости, они нуждаются как минимум в двух типах компенсации — в перераспределении и в признании. Но эти два типа компенсации направлены в разные стороны. Их нелегко добиваться одновременно. Тогда как логика перераспределения выводит гендер из игры, логика признания приводит к позитивной оценке гендерной специфики.²¹ Здесь и возникает феминистский вариант дилеммы перераспределения-признания: как феминистки могут сражаться за ликвидацию гендерного различия и за позитивную оценку гендерной специфики одновременно?

[...]

Итак, суммируем: гендер [...] является дилемным модусом коллективности. В отличие от класса, что занимает один край концептуального спектра, и сексуальности, расположившейся на другом крае, гендер [...] бивалентен и подразумевает одновременно как политики перераспределения, так и политики признания — сталкиваясь при этом с дилеммой перераспределения-признания. Феминистки должны добиваться компенсаций в политико-экономической сфере, что разрушали бы гендерное различие, одновременно добиваясь компенсаций в сфере культурных оценок, что укрепляли бы позитивную значимость

специфики презиаемого сообщества. Как же возможно заниматься и тем, и этим сразу?

3. Утверждение или преобразование? Пересмотр вопроса о компенсации

До сих пор я формулировала дилемму перераспределения-признания в таком виде, в котором она выглядит весьма неподатливой. Я предположила, что компенсаторное перераспределение при политико-экономической несправедливости всегда снимает различие между социальными группами. В том же ключе я предположила, что компенсаторное признание при несправедливости в культурных оценках всегда усиливает дифференциацию социальных групп. При таких предположениях затруднительно усмотреть возможность для феминисток [...] добиваться одновременно перераспределения и признания.

Сейчас, однако, я хочу усложнить свои допущения. В этой части я исследую альтернативные концепции перераспределения, с одной стороны, и альтернативные концепции признания, с другой. Моя цель — выделить два широких подхода к устранению несправедливости, что не подпадают под разделение на перераспределение и признание. Я назову их соответственно "утверждение" и "преобразование". Обрисовав каждый из этих подходов в целом, я покажу, как каждый из них соотносится с перераспределением и признанием. На этом основании в итоге я переформулирую дилемму перераспределения-признания так, чтобы она лучше поддавалась решению.

Начнем с того, что бегло вычленим утверждение и преобразование. Под компенсаторным утверждением для устранения несправедливости я подразумеваю действия, направленные на корректировку неравноценных [для разных групп] последствий социального устройства, но не затрагивающие порождающие их базовые структуры. Под компенсаторной же трансформацией я подразумеваю действия, направленные на корректировку неравноценных последствий социального устройства как раз через перестройку порождающих их базовых структур. Суть контраста здесь — в направленности на конечные последствия или же на продуцирующие их процессы, но не в противопоставлении перемен постоянным переменам апокалиптическим.

Применим это разграничение сначала к компенсациям культурной несправедливости. Компенсаторное утверждение здесь для ликвидации такой несправедливости сегодня связано с основным течением мультикультурализма, что предполагает устранение неуважения путем положительной переоценки несправедливо обесцененных групповых идентичностей, не затрагивая при этом ни содержания этих идентичностей, ни лежащие в их основе групповые различия. Компенсаторная же трансформация сегодня связана с деконструкцией.

Она должна устранять неуважение, трансформируя базовую структуру культурных оценок. Дестабилизируя существующие групповые идентичности и различия, она должна не только повысить самооценку членов групп, которым сегодня отказано в уважении. Она должна изменить у *каждого* ощущение принадлежности, вхождения в ту или иную группу, ощущение "я".

Для иллюстрации этого разграничения рассмотрим опять случай презираемой сексуальности.²² Компенсаторное утверждение, устраняющее гомофилию и гетеросексизм, сегодня связано с политиками гей-идентичности, нацеленными на придание позитивной оценки лесбийской и гей-идентичности. Компенсаторное же преобразование включает в себя подход "теории ненормальности" [queer theory], что призвана деконструировать дихотомию гомо-гетеро. Политики гей-идентичности трактуют гомосексуальность как самостоятельную, культурную, идентификаторную позитивность, подобно этничности.²³ Предполагается, что такая позитивность способна существовать сама по себе и нуждается только в добавочном признании. "Теория ненормальности" же трактует гомосексуальность как сконструированный и обесцененный коррелят гетеросексуальности; обе суть разрешения сексуальной неопределенности и соопределяются они только посредством друг друга. Цель преобразования — не укрепить гей-идентичность, но деконструировать дихотомию гомо-гетеро для дестабилизации всех устоявшихся сексуальных идентичностей. Ставится задача не растворить всю сексуальное различие в единой, универсальной человеческой идентичности, но поддерживать существование поля множественных, дебинаризованных, текучих и подвижных сексуальных различий.

Оба этих подхода представляют определенный интерес в качестве средств устранения недопризнания. Но между ними существует одно решающее различие. В то время как политики гей-идентичности стремятся укрепить существующее различие сексуальных групп, политики теории ненормальности стремятся дестабилизировать его — хотя бы когда-нибудь, хотя бы по видимости.²⁴ Эти особенности накладываются на признание и в более общем смысле. Тогда как признание через утверждение стремится развить существующие групповые различия, признание через преобразование стремится в конечном счете дестабилизировать их, чтобы освободить место для будущих перегруппировок. Я вскоре вернусь к этому вопросу.

Аналогичное разграничение применимо к средствам устранения экономической несправедливости. Компенсаторное утверждение для ликвидации такой несправедливости исторически ассоциируется с либеральным государством социального обеспечения.²⁵ Оно направлено на устранение конечных последствий неправильного распределения, оставляя практически нетронутой лежащую в его основе политико-экономическую структуру, то есть нацелено на увеличение доли потребления экономически дискриминированными группами, не реструктурируя при этом систему производства. Компенсаторное же преобра-

зование исторически связано с социализмом. Оно стремится устранить несправедливое распределение, преобразуя лежащую в его основе политико-экономическую структуру. Реструктурируя производственные отношения, такая компенсация должна изменить не только конечное распределение долей потребления, но также и общественное разделение труда и, следовательно, условия существования каждого.²⁶

Давайте рассмотрим еще раз случай эксплуатируемого класса.²⁷ Компенсаторное утвердительное перераспределение при классовой несправедливости обычно включает в себя два типа государственного вмешательства: программы социального страхования берут на себя некоторые расходы по социальному воспроизводству тех, кто имеет постоянную работу (так называемые "первичные" секторы рабочего класса); программы социальной помощи обеспечивают минимальную, "целенаправленную" поддержку "резервной армии" полностью или частично безработных. Нимало не затрагивая саму классовую дифференциацию как таковую, подобные компенсации через утверждение ей содействуют и придают ей конкретные формы. Их общий результат — перенос внимания с разделения на классы рабочих и капиталистов на разделение рабочего класса на фракции имеющих работу и безработных. Программы социальной помощи "нацелены" на бедных, не только оказывая им поддержку, но и окружая их враждебностью. Компенсация такого типа, конечно, обеспечивает остро необходимую материальную поддержку. Но она также создает насыщенную эмоциями, антагонистическую групповую дифференциацию.

Эта логика применима и к утвердительному перераспределению в целом. Хотя такой подход стремится искоренить экономическую несправедливость, он оставляет нетронутой ту глубинную структуру, что порождает классовую дискриминацию. Потому в этом случае снова и снова необходимы поверхностные перенаправления. В результате наиболее дискриминируемый класс маркируется как потомственно дефективный и ненасытимый, постоянно требующий все больше и больше [вливаний]. В итоге такой класс даже начинает выглядеть привилегированным: к нему — отношение особое, на него изливается незаслуженная благодать. Подход, нацеленный на ликвидацию несправедливого распределения, может таким образом привести к возникновению несправедливости в признании.

В известном смысле этот подход содержит внутренние противоречия. Утвердительное перераспределение в целом предполагает универсалистскую концепцию признания, равную моральную ценность каждого. Назовем это "официальной приверженностью признанию". Однако практика утвердительного перераспределения раз за разом приводит к стимулированию второй — стигматизирующей — динамики признания, что противостоит универсализму. Эту вторую динамику можно понимать как "практический эффект признания" ут-

вердительного перераспределения.²⁸ И этот эффект конфликтует с его официальной приверженностью признанию.²⁹

Теперь сравним эту логику с компенсаторным преобразованием при распределительной классовой несправедливости. Компенсаторное преобразование обычно сочетает в себе универалистские программы социального обеспечения, ярко выраженное прогрессивное налогообложение, макроэкономические политики, направленные на обеспечение всеобщей занятости, обширный вне-рыночный общественный сектор, значительную общественную и/или коллективную собственность и демократическое принятие решений об основных социально-экономических приоритетах. Оно стремится гарантировать доступ к занятости для всех, одновременно пытаясь отвязать основные доли потребления от занятости. Так что здесь очевидна тенденция подрыва классовой дифференциации. Компенсаторное преобразование снижает социальную несправедливость, не создавая при этом стигматизированные классы незащищенных, воспринимающих себя как получатели особой благодати.³⁰ Таким образом, оно стремится развивать взаимное сотрудничество и солидарность в отношениях с признанием. Именно так подход, нацеленный на устранение несправедливости в распределении, может также помочь (в некоторой степени) устранить несправедливость в признании.³¹

Этот подход не содержит внутренних противоречий. Подобно утвердительному перераспределению, преобразовательное перераспределение в целом предполагает универалистскую концепцию признания, равную моральную ценность каждого. В отличие от утвердительного перераспределения, однако, его практика не направлена на подрыв этой концепции. Таким образом, эти два подхода порождают разные логики группового различия. В то время как компенсаторное утверждение может иметь обратный эффект развития классового различия, компенсаторное преобразование стремится ее размывать. Вдобавок эти два подхода порождают различную подспудную динамику признания. Утвердительное перераспределение может стигматизировать дискриминированных, добавляя оскорбительное недопризнание к тяготам бедности. Преобразовательное же перераспределение может развивать солидарность, помогающую преодолеть определенные формы недопризнания.

Какие выводы мы должны сделать из этого рассмотрения? В этой части мы рассмотрели только два "чистых" идеал-типических случая на двух противоположных краях концептуального спектра. Мы сравнили разнонаправленные эффекты компенсаторного утверждения и преобразования при экономически укорененной классовой несправедливости в распределении, с одной стороны, и культурно укорененной несправедливости в признании в отношении сексуальности, с другой. Мы видели, что компенсаторное утверждение стремится в целом развивать групповое различие, в то время как компенсаторное перераспределение стремится его дестабилизировать или размывать. Также мы ви-

дели, что утвердительное перераспределение провоцирует отдачу недопризнания, в то время как компенсаторное преобразовательное перераспределение может помочь в устранении некоторых форм недопризнания.

Все это подсказывает способ реформулирования дилеммы перераспределения-признания. Можно задать следующий вопрос: для тех групп, что испытывают несправедливость обоих типов, какие сочетания компенсаторных ходов наилучшим образом минимизируют, если не устраняют вообще, те взаимные помехи, что возникают при одновременном следовании [стратегиям] как перераспределения, так и признания?

4. Как обойти дилемму: преодоление гендерной несправедливости

Представим себе таблицу из четырех ячеек. По горизонтальной оси — те два общих типа компенсации, что мы только что исследовали, а именно утверждение и преобразование. По вертикальной оси — два аспекта справедливости, что мы рассматриваем, а именно перераспределение и признание. В этой таблице мы разместим четыре обсуждавшихся политических ориентации. В первой ячейке, где пересекаются перераспределение и утверждение, находится проект либерального государства социального обеспечения; будучи центрированным на поверхностных перенаправлениях долей распределения среди существующих групп, он стремится поддержать групповое различие; кроме того, он порождает отдачу в виде недопризнания. Во второй ячейке, где пересекаются перераспределение и трансформация, находится проект социализма; будучи направленным на глубокое реструктурирование производственных отношений, он стремится размывать групповое различие; кроме того, он способен помочь в искоренении определенных форм недопризнания. В третьей ячейке, где пересекаются признание и утверждение, находится проект основных течений мультикультурализма; будучи сфокусированным на поверхностных перенаправлениях уважения среди существующих групп, он стремится поддержать групповое различие. В четвертой ячейке, где пересекаются признание и преобразование, расположен проект деконструкции; будучи нацелен на глубокое реструктурирование отношений признания, он стремится дестабилизировать групповое различие.

В этой таблице основное течение мультикультурализма трактуется как культурный аналог либерального государства социального обеспечения, а деконструкция — как культурный аналог социализма. Таким образом она позволяет нам произвести предварительные оценки взаимной сочетаемости различных компенсаторных стратегий. Мы можем предсказать степень расхождения целей компенсаторных пар, реализуемых одновременно. Мы можем определить пары, которые скорее всего приведут нас напрямик к развилке дилеммы

	Утверждение	Преобразование
Перераспределение	<i>либеральное государство социального обеспечения</i> поверхностные перенаправления существующих благ между существующими группами; поддерживает групповое различие; провозирует недопризнание	<i>социализм</i> глубокое реструктурирование производственных отношений; размывает групповое различие; может помочь компенсировать определенные формы недопризнания
Признание	<i>основное направление мультикультурализма</i> поверхностные перенаправления уважения к существующим идентичностям существующих групп; поддерживает групповое различие	<i>деконструкция</i> глубокое реструктурирование отношений признания; размывает групповое различие

перераспределения-признания. Мы можем также определить пары, что дают надежду эту дилемму обойти.

С первого взгляда две компенсаторных пары выглядят наиболее малообещающими. Политика утвердительно перераспределения либерального государства социального обеспечения явно не согласуется с политикой преобразующего признания деконструкции; тогда как первая стремится проводить групповое различие, вторая стремится скорее дестабилизировать его. Сходным образом политика преобразующего перераспределения социализма явно не согласуется с политикой утвердительно признания основного течения мультикультурализма; тогда как первая стремится подорвать групповое различие, вторая стремится скорее продвигать его.

И наоборот, две компенсаторные пары выглядят сравнительно многообещающими. Политика утвердительно перераспределения либерального государства социального обеспечения кажется сопоставимой с политикой утвердительно признания главного течения мультикультурализма; обе стремятся развивать групповое различие. Сходным образом политика преобразующего перераспределения социализма кажется сопоставимой с политикой преобразующего признания деконструкции; обе стремятся подорвать существующие групповые различия.

Чтобы проверить эти гипотезы, вернемся к гендерной несправедливости [...]. Вспомним, что гендер — бивалентное различие, отражающее как эко-

номическую, так и культурную несправедливость. Таким образом люди, страдающие от гендерной несправедливости, нуждаются как в перераспределении, так и в признании. Они являются парадигматическими субъектами дилеммы перераспределения-признания. Что же происходит, когда различные пары стратегий компенсации несправедливости вводятся в действие одновременно? Существуют ли такие компенсаторные пары, что позволяют феминисткам обойти, если не рассеять вообще, дилемму перераспределения-признания?

Итак, гендерная несправедливость.³² Вспомним, что искоренение гендерной несправедливости требует перемен как в политической экономике, так и в культуре для того, чтобы разомкнуть порочный круг экономического и культурного угнетения. Как мы видели, эти изменения могут принять любую из двух форм, утверждения либо преобразования.³³ Рассмотрим вначале тот на первый взгляд многообещающий случай, когда утвердительно перераспределение сочетается с утвердительно признанием. Как следует из названия, утвердительно перераспределение в целях искоренения гендерной несправедливости в экономике включает в себя "утверждение действием"³⁴, попытку обеспечить женщинам принадлежащую им по праву долю существующих рабочих мест и возможностей получения образования, оставляя неизменной природу и количество таких мест и возможностей. Утвердительно признание в целях искоренения гендерной несправедливости в культуре включает в себя культурный феминизм, попытку обеспечить женщинам уважение через положительную оценку феминности, оставляя неизменным бинарный гендерный код, придающий смысл последней. Таким образом рассматриваемый сценарий сочетает социоэкономическую политику либерального феминизма с культурной политикой культурного феминизма. Действительно ли такое сочетание избегает дилеммы перераспределения-признания?

Несмотря на наши надежды поначалу, этот сценарий проблематичен. Утвердительно перераспределение не способно затронуть тот глубинный уровень, на котором возникает гендерное измерение политической экономии. Нацеленное исходно на преодоление позиционной дискриминации, оно не подвергается атаке ни гендерное деление на оплачиваемый и неоплачиваемый труда, ни гендерное деление на мужские и женские профессии в рамках труда оплачиваемого. Оставляя незатронутой глубинные структуры, порождающие гендерную дискриминацию, оно вынуждено производить поверхностные перенаправления снова и снова. Результатом становится не только подчеркивание гендерного различия. Но также и маркирование женщин как дефективных и ненадежных, постоянно требующих все большего и большего. В итоге женщины даже начинают выглядеть привилегированной группой: к ним — отношение особое, на них изливается незаслуженная благодать. Подход, нацеленный на ликвидацию несправедливого распределения, может давать пищу для реактивной несправедливости в признании.

Эта проблема усугубляется, если мы добавим сюда стратегию утвердительного признания культурного феминизма. Этот подход настойчиво привлекает внимание к предполагаемой культурной специфике или различию женщин — если не создает ее перформативно. В определенных контекстах такой подход может обеспечивать прогресс в отношении децентрации андроцентрических норм. В нашем же контексте это скорее всего подольет масла в огонь возмущения “утверждением действием”. Через такую призму культурная политика утверждения женского различия выглядит оскорблением официальной приверженности либерального государства социального обеспечения к признанию равной моральной ценности каждого человека.

Другой путь, что выглядел многообещающим с первого же взгляда, — это сочетание преобразовательного перераспределения с преобразовательным признанием. Преобразовательное перераспределение в целях искоренения гендерной несправедливости в экономике заключается в определенной форме социалистского феминизма или феминистской социальной демократии. И преобразовательное признание в целях искоренения гендерной несправедливости в культуре заключается в феминистской деконструкции, нацеленной на разгром андроцентризма путем дестабилизации гендерных дихотомий. Таким образом, данный сценарий сочетает социоэкономическую политику социалистского феминизма с культурной политикой феминизма деконструктивистского. Действительно ли такое сочетание избегает дилеммы перераспределения-признания?

Этот сценарий гораздо менее проблематичен. Долгосрочной целью деконструктивистского феминизма является культура, в которой иерархические гендерные дихотомии заменены сетью множественных пересекающихся различий, разрозненных и подвижных. Эта цель согласуется с преобразовательным перераспределением социалистского феминизма. Деконструкция противостоит закрепившемуся или застывшему гендерному различию того типа, что возникает в несправедливой в гендерном отношении политической экономии. Свойственный ей утопический образ культуры, в которой каждая новая конструкция идентичности или различия разрабатывается свободно и независимо и затем быстро деконструируется, возможен, между прочим, только на основе неполного социального равенства.

Более того, как промежуточная стратегия, такое сочетание уходит от раздувания пламени возмущения.³⁵ Если и есть у него недостаток, так это скорее то, что как культурная политика деконструктивистского феминизма, так экономическая политика феминизма социалистского далеки от непосредственных интересов и идентичностей большинства женщин, как они культурно сконструированы в настоящем.

[...]

Итак, какие выводы должны мы сделать из этого рассмотрения? Для гендерной несправедливости [...] тем сценарием, что наилучшим образом обходит дилемму перераспределения-признания, является социализм в экономике плюс деконструкция в культуре.³⁶ Но чтобы этот сценарий стал психологически и политически возможным, необходимо отучить людей от их привязанности к современным культурным конструктам их интересов и идентичностей.³⁷

5. Заключение

Дилемма перераспределения-признания — это реальность. И не существует подходящего теоретического хода, с помощью которого она была бы целиком устранена или преодолена. Лучшее, что мы можем предпринять — это пытаться смягчить дилемму, находя такие подходы, что минимизировали бы конфликты между перераспределением и признанием в тех случаях, когда они должны внедряться одновременно.

Я показала здесь, что социалистская экономика в сочетании с деконструктивистской культурной политикой наилучшим образом обходит дилемму в случае такой бивалентной коллективности, как гендер [...]. Следующим шагом должна быть демонстрация того, что это сочетание работает и на глобальную социокультурную конфигурацию. Ведь бивалентные сообщества не отделены отчетливо друг от друга. Не отграничены они также от сексуального и классового деления. Отнюдь, и все эти оси несправедливости пересекаются друг с другом таким образом, что это касается интересов и идентичностей всех и каждого. Никто не входит только в одно такое сообщество. И люди, угнетаемые по одной оси социального разделения, могут сами стать угнетателями по другой.³⁸

Таким образом, ставится задача выяснить, как обходить дилемму перераспределения-признания, когда наша проблема рассматривается в обширном поле множественных и взаимосвязанных направлений борьбы против множественных и взаимосвязанных направлений несправедливости. Хотя я не могу предоставить здесь исчерпывающую аргументацию, рискну предложить три причины, согласно которым мы можем ожидать, что сочетание социализма и деконструктивизма опять докажет свое превосходство перед другими альтернативами.

Во-первых, аргументы, прилагавшиеся здесь в отношении гендера [...], сохраняют свою силу для всех бивалентных сообществ. Таким образом, когда те сообщества в реальной жизни, что сплочены под знаменами сексуальности и класса, оказываются более бивалентными, чем те идеал-типические конструкции, что описаны выше, им тоже следует предпочесть социализм плюс де-

конструкцию. И такой дважды преобразовательный подход должен стать ориентиром для выбора для всего широкого спектра дискриминированных групп.

Во-вторых, дилемма перераспределения-признания не возникает только, так сказать, эндогенно внутри единичного бивалентного сообщества. Она возникает как бы экзогенно для всех взаимосвязанных сообществ. Таким образом, любой, кто, скажем, является геем и принадлежит к рабочему классу, столкнется с некоторым вариантом дилеммы независимо от того, будем мы интерпретировать сексуальность и класс как бивалентные [коллективности] или нет. И тот, чей пол — женский, а цвет — черный, также столкнется с ней в острой форме и на многих уровнях. Говоря в целом, как только мы признаем, что оси несправедливости пересекаются, мы должны признать и характерные для этих взаимопересечений формы дилеммы перераспределения-признания. И эти формы, пожалуй, еще сильнее сопротивляются разрешению с помощью сочетаний утвердительных компенсаторных стратегий, чем те, что рассмотрены выше. Таким образом, пересечение класса, “расы”, гендера и сексуальности усиливает потребность в преобразовательных решениях, делая сочетание социализма и деконструкции еще более притягательным.

В-третьих, такое сочетание наилучшим образом поддерживает задачу построения коалиций. Эта задача особенно актуальна сегодня, в условиях разнообразия форм социального антагонизма, раскола социальных движений и растущей привлекательности правых в Соединенных Штатах. В таком контексте проект преобразования глубинных структур как политической экономии, так и культуры кажется единственной программной ориентацией, способной добиться справедливости по всем направлениям ведущейся сегодня борьбы против несправедливости. Только этот проект не предполагает нулевого результата заранее.

Если все сказанное выше справедливо, то в этом свете нынешняя ситуация на политической сцене США начинает выглядеть весьма плачевно. Сегодня мы завязли в порочных кругах взаимно усиливающих друг друга культурного и экономического угнетения. Наши наиболее основательные попытки искоренить несправедливость с помощью сочетания либерального государства социального обеспечения и основного течения мультикультурализма порождают обратные эффекты. Только обратившись к альтернативным концепциям перераспределения и признания, мы можем добиться справедливости для всех и каждого.

¹ Что продиктовано нехваткой места. Но я убеждена, что разрабатываемые здесь концепции могут результативно применяться и в отношении этничности и национальности. Поскольку группы, сплывающиеся на этих основаниях, не считают себя испытывающими социоэкономическую дискриминацию и не выдвигают требований

перераспределения, их можно трактовать как добивающихся главным образом признания. Специфика национальной борьбы состоит, однако, в стремлении к определенной форме признания — политической автономии, что может выражаться либо в виде собственного суверенного государства (чего добиваются палестинцы), либо в виде более ограниченного суверенитета провинции внутри многонационального государства (к чему склонно большинство населения Квебека). Борьба же за этническое признание часто заключается в завоевании прав на культурное самовыражение в многоэтнических национальных государствах. Это разграничение глубоко и подробно рассматривается в работе Will Kymlicka, “Three Forms of Group-Differentiated Citizenship in Canada” (доклад, представленный на конференции “Демократия и различие”, Йельский Университет, 1993).

² Область моего принципиального интереса в этой статье — отношение между признанием культурного различия и социальным равенством. Не столь непосредственно меня интересует, т.е., отношение между признанием культурного различия и либерализмом. Однако же я полагаю, что неприемлема любая политика, пренебрегающая фундаментальными правами человека, — а именно такого типа политики обычно особенно дороги левым либералам.

³ Karl Marx, *Capital*, Vol. 1; John Rawls, *A Theory of Justice*, Cambridge, Mass. 1971 и последовавшие статьи; Amartya Sen, *Commodities and Capabilities*, North-Holland, 1985; Ronald Dworkin, “What is Equality? Part 2: Equality of Resources”, *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no 4 (fall 1981). Хотя здесь я определяю всех этих исследователей как теоретиков распределительной экономической справедливости, справедливо также то, что почти все они обладают определенными ресурсами для рассмотрения проблем и культурной справедливости также. Роулз, например, трактует “социальную базу самоуважения” [“the social bases of self-respect”] как первичное благо, что должно распределяться честно, в то время как Сен трактует “ощущение я” [“sense of self”] как относящееся к возможности действовать. (Этим наблюдением я обязана Майке Манти). Тем не менее, как отметила Айрис Марион Янг, исходный импульс этих соображений лежит в направлении распределительной экономической справедливости. (См. ее *Justice and the Politics of Difference*, Princeton 1990.)

⁴ Charles Taylor, *Multiculturalism and “The Politics of Recognition”*, Princeton 1992, p. 25.

⁵ Axel Honneth, “Integrity and Disrespect: Principles of a Conception of Morality Based on the Theory of Recognition”, *Political Theory*, vol. 20, no. 2 (May 1992), pp. 188-9. См. также его *Kampf um Anerkennung*, Frankfurt 1992; английский перевод выходит в издательстве The MIT Press под названием *Struggle for Recognition*. Неслучайно, что оба основных современных теоретика признания, Хоннет и Тэйлор, — оба гегельянцы.

⁶ См., например, Patricia J. Williams, *The Academy of Race and Rights*, Cambridge, Mass. 1991; and Young, *Justice and the Politics of Difference*.

- ⁷ Откликаясь на черновик этой статьи, Майка Манти поставила вопрос о том, как может (и может ли) схема, сфокусированная на классификации проблем справедливости как либо культурных, либо политико-экономических, учитывать такие “первичные политические реалии”, как гражданство и политическое участие (“Комментарии к Фрезер”, неопубликованная рукопись, представленная на Мичиганском симпозиуме по политическому либерализму). Я склонна следовать здесь Юргену Хабермасу и рассматривать такие вещи с двух точек зрения одновременно. Во-первых, политические институты (в капиталистических обществах с государственным регулированием) связаны с экономикой как часть “системы”, продуцирующей распределительную социоэкономическую несправедливость; в терминах Роулза, они являются частью “базисной структуры” общества. Однако — и во-вторых — такие институты связаны с “жизненным миром” как часть культурной структуры, что продуцирует несправедливости признания; например, иерархия гражданских титулов и прав участия переносит чрезвычайно значимую имплицитную и эксплицитную информацию об относительной моральной ценности тех или иных персон. Таким образом, “первичные политические реалии” можно трактовать как относящиеся либо к экономической, либо к культурной справедливости, в зависимости от контекста и выбранной точки зрения.
- ⁸ О переплетенности культуры и политической экономики см. мои работы: “What’s Critical About Critical Theory? The Case of Habermas and Gender” in Nancy Fraser, *Unruly Practices: Power, Discourse and Gender in Contemporary Social Theory*, Oxford, 1989; “Rethinking the Public Sphere” in Fraser, *Justice Interruptus*; Fraser, “Pragmatism, Feminism and the Linguistic Turn”, in Benhabib, Butler, Cornell and Fraser, *Feminist Contentions: A Philosophical Exchange*, New York 1995. См. также Pierre Bourdieu, *Outline of a Theory of Practice*, Cambridge 1977. Критика культурных значений, имплицитных современной политической экономики США в области рынка труда и социального обеспечения, изложена в двух последних главах *Unruly Practices* и в материалах третьей части *Justice Interruptus*.
- ⁹ Фактически такие способы компенсации несколько конфликтуют друг с другом — об этой проблеме я буду говорить в следующей части статьи.
- ¹⁰ Вышеописанные способы компенсации в некоторой степени конфликтуют друг с другом. Одно дело добиться признания существующих идентичностей, в настоящее время оцениваемых негативно; и другое дело — трансформировать символические структуры и таким образом изменить идентичность у всех. Я займусь расхождением в различных способах компенсации в следующей части статьи.
- ¹¹ Хороший пример такого подхода представляет собой работа Рональда Дворкина “Либерализм” в его книге *A Matter of Principle*, Cambridge, Mass. 1985.
- ¹² Хороший пример такого подхода представляет собой книга Will Kymlicka, *Liberalism, Community and Culture*, Oxford 1989. Исследования Кимличка показывают, что разграничение социоэкономической справедливости и культурной справедливости не

всегда должно точно накладываться на разграничение дистрибутивной справедливости и справедливости реляционной или коммуникативной.

- ¹³ В книге *Kampf um Anerkennung* Акселя Хоннета предпринята наиболее тщательная и хитроумная попытка такой редукции. Хоннет показывает, что признание есть фундаментальное понятие справедливости и может направлять распределение.
- ¹⁴ Вне такого разделения мы упускаем возможность исследовать конфликты между ними. Мы теряем шанс высветить их взаимные помехи, что могут возникнуть, когда требования перераспределения и требования признания выдвигаются одновременно.
- ¹⁵ В дальнейшем я буду понимать класс в предельно стилизованной, ортодоксальной и затеоретизированной манере, чтобы заострить контраст с другими идеал-типическими видами коллективности, обсуждаемыми ниже. Конечно, это никак не единственная интерпретация марксистской концепции класса. В других контекстах и для других целей я сама предпочла бы менее “экономистскую” интерпретацию, что придает больший вес культурному, историческому и дискурсивному измерениям класса, подчеркиваемым такими авторами, как Э. П. Томпсон и Джоан Уолейк Скотт. См. Thompson, *The Making of the English Working Class*, London 1963; Scott, *Gender and the Politics of History*, New York 1988.
- ¹⁶ Сомнительно, чтобы какие бы то ни было сообщества, существующие сегодня в реальном мире, соответствовали представленному ниже понятию о классе. Конечно, история социальных движений, сплотившихся под знаменем класса, куда сложнее, чем то может предложить такая концепция. Эти движения воплотили класс не только как структурную категорию политической экономики, но также и как культурно-оценочную категорию идентичности — часто в формах, проблематичных для женщин и для черных. Так, социализм в большинстве вариантов провозглашал почет труду и трудящимся, смешивая требования перераспределения с требованиями признания. Более того, иногда, не в силах побороть капитализм, классовые движения принимали феминистские стратегии достижения признания их “различия” внутри системы, чтобы собрать силы и выдвинуть требования того, что я назову ниже “утвердительным перераспределением”. Итак, в целом, исторические движения на классовой почве, возможно, ближе к тому, что я ниже называю “двойным модусом коллективности”, чем к представленному здесь наброску интерпретации класса.
- ¹⁷ Такое допущение не вынуждает нас отвергнуть то соображение, что дефицит распределения часто (а может даже всегда) сопровождается дефицитом признания. Оно, однако, означает, что причина дефицита признания класса (в развиваемом здесь смысле) кроется в политической экономике. Позже я рассмотрю другие типы случаев, когда сообщества испытывают дефицит признания, что не настолько напрямую обусловлено политико-экономическими причинами.

- ¹⁸ В дальнейшем я буду понимать сексуальность в предельно стилизованной теоретической манере, чтобы заострить контраст с другими обсуждаемыми здесь идеальными типическими видами коллективности. Я считаю сексуальное различие коренящимся целиком в культурной структуре — в противовес политической экономии. Конечно, это не единственная интерпретация сексуальности. Джудит Батлер (в неформальной дискуссии) высказала предположение, что можно было бы утверждать, что сексуальность вообще трудно отделима от гендера, который, как я показываю ниже, гораздо более связан с разделением труда, чем со структурой культурных оценок. В таком случае сама сексуальность может восприниматься как “бивалентная” коллективность, укорененная одновременно в культуре и политической экономии. Тогда экономические препятствия, с которыми сталкиваются гомосексуалы, могут выглядеть скорее укорененными в экономике, чем в культуре, как в моем подходе. Хотя такой бивалентный анализ определенно возможен, на мой взгляд, он имеет серьезные недостатки. Слишком тесно сопрягая сексуальность и гендер, мы перекрываем важное отличие между группой, что занимает четкую позицию в разделении труда (и своим существованием по большей части обязана этому факту), с одной стороны, и группой, что не занимает такой четкой позиции, с другой стороны. Я вернусь к этому отличию позднее.
- ¹⁹ Примером экономической несправедливости, укорененной напрямую в экономической структуре, было бы разделение труда, при котором гомосексуалы вытеснялись бы на назначенную им проигрышную позицию и эксплуатировались как гомосексуалы. Отрицать, что ситуация с гомосексуалами сегодня именно такова не значит отрицать, что они сталкиваются с экономической несправедливостью — но значит выводить ее из другого источника. В целом, я полагаю, что дефицит признания часто (возможно даже всегда) сопровождается дефицитом распределения. Но тем не менее я считаю, что дефицит распределения по отношению к сексуальности (в рассматриваемом здесь смысле) является в итоге следствием культурной структуры. В дальнейшем я рассмотрю другие типы случаев, когда сообщества испытывают дефицит распределения, что обусловлен не настолько прямо (и не только) культурными причинами. [...]
- ²⁰ Гендерная дискредитация, безусловно, может принимать множество форм, включая консервативные стереотипы, что по видимости чествуют, а не унижают “женственность”.
- ²¹ Что помогает понять, почему история женского движения фиксирует постоянные колебания между интеграционистскими версиями феминизма равных прав и ориентированными на “различие” версиями “культурного” и “социального” феминизма. Было бы полезным точно описать временную логику, вынуждающую бивалентные сообщества перемещать основное внимание туда и обратно между перераспределением и признанием. Первую такую попытку можно найти в главе “Переосмысливая различие” моей книги *Justice Interruptus*.

- ²² При этом следует помнить, что сексуальность здесь полагается коллективностью, целиком коренящейся в структуре культурных оценок в обществе; так что эти проблемы не затеяются проблемами политико-экономической структуры, и для решения требуют признания, не перераспределения.
- ²³ Критическое обсуждение тенденции со стороны политик гей-идентичности неявно трактовать сексуальность по шаблону этничности см. в Steven Epstein, “Gay Politics, Ethnic Identity: The Limits of Social Constructionism”, *Socialist Review* no. 93/94 (May-August 1987).
- ²⁴ Несмотря на открыто заявленные долгосрочные деконструктивные намерения теории ненормальности, ее практические последствия могут быть более неоднозначными. Как и политики гей-идентичности, она, похоже, также поддерживает групповую солидарность здесь и сейчас, хотя ее устремления и направлены к обетованной земле деконструкции. Возможно, нам следует отделять то, что я называю ниже ее “в рамках признания официальной приверженностью” к раз-различению группы, от ее “в рамках признания практического эффекта” (временной) групповой солидарности и даже ужесточения границ группы. Стратегия признания теории ненормальности т.о. содержит внутреннее напряжение: для того, чтобы дестабилизировать дихотомию гомо-гетеро, она должна сначала сплотить “ненормальных” [“queers”]. Будет это напряжение плодотворным или разлагающим, зависит от факторов, слишком сложных для того, чтобы обсуждать их здесь. В обоих случаях, однако, политики признания теории ненормальности остаются отличными от политик гей-идентичности. В то время как политики гей-идентичности просто и прямолинейно подчеркивают групповое различие, теория ненормальности делает это исключительно косвенно, подспудно противореча своему основному импульсу раз-различения. Соответственно, эти два подхода конструируют два качественно различных вида групп. В то время как политики гей-идентичности сплачивают гомосексуалов, определяющих себя таковыми, в качестве именно гомосексуалов, чтобы отстоять как будто определенную сексуальность, теория ненормальности сплачивает “ненормальных”, требуя освобождения от определенной сексуальной идентичности. “Ненормальные” — это, конечно, не группа по [признаку] идентичности в том смысле, что геи; их лучше понимать как группу по анти-идентичности, что объемлет весь спектр сексуального поведения: от гомосексуального через нормальное и до бисексуального. (Искрометную — и пронизательную — трактовку различия, а также изощренное толкование теории ненормальности см. в Lisa Duggan, “Queering the State”, *Social Text*, no. 39, Summer 1994.) Оставив в стороне все эти нюансы, мы тем не менее, можем и должны отделять (прямые) последствия утвердительного признания геев, а именно различие, от (весьма сложных) последствий преобразовательного признания ненормальных, а именно (значительного) раз-различения.
- ²⁵ Под “либеральным государством социального обеспечения” я подразумеваю режим того типа, что установился в США как результат политики “Нового Курса” [Big Deal — система экономических реформ президента Ф. Рузвельта, направленная на преодоление Великой Депрессии — Прим. перев.]. См. весьма плодотворное отли-

чение этого типа от социал-демократического государства социального обеспечения и консервативно-корпоратистского государства социального обеспечения в: Gøsta Esping-Andersen, *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton 1990.

- ²⁶ Сегодня, конечно, многие характерные особенности социализма — как он “реально существует” — выглядят довольно проблематичными. Фактически никто больше не защищает “командную” экономику, в которой почти нет места рынку. Также нет согласия и в вопросе о месте и степени [распространенности] общественной собственности в демократическом социалистическом обществе. Однако для моих целей здесь не требуется наполнять точным содержанием идею социализма. Вполне достаточно держать в поле зрения общую концепцию устранения несправедливого распределения путем глубокого политико-экономического реструктурирования, а не поверхностных перенаправлений. В этом свете, кстати, социальная демократия выглядит гибридным случаем, сочетающим компенсаторное утверждение и преобразование; ее можно также рассматривать как “золотую середину”, когда экономическое реструктурирование выражено умеренно, больше, чем в либеральном государстве социального обеспечения, но меньше, чем при социализме.
- ²⁷ При этом следует помнить, что класс здесь полагается коллективностью, целиком корящейся в политико-экономической структуре общества; так что эти проблемы не затеваются проблемами структуры культурных оценок, и для решения требуют перераспределения, не признания.
- ²⁸ В определенных контекстах (например, современная ситуация в Соединенных Штатах) практический эффект признания утвердительного распределения совершенно перекрывает его официальную приверженность признанию.
- ²⁹ Здесь моя терминология опирается на введенное Пьером Бурдьё в *Наброске теории практики* разграничение между “официальным родством” и “практическим родством”.
- ³⁰ Я намеренно обрисовала здесь ситуацию, находящуюся где-то между социализмом и крепкой социальной демократией. Классической интерпретацией последней остается работа Т.Н. Маршалла “Citizenship and Social Class”, in *Class, Citizenship, and Social Development: Essays by T.H. Marshall*, ed. Martin Lipset, Chicago 1964. В ней Маршалл показывает, что универсалистский социал-демократический режим “социального гражданства” подрывает классовую дифференциацию даже в отсутствие полномасштабного социализма.
- ³¹ Более точно: преобразовательное перераспределение может помочь устранению тех форм недопризнания, что порождаются политико-экономической структурой. Устранение недопризнания, корящегося в культурной структуре, наоборот, требует дополнительного и независимого компенсаторного признания.

- ³² Вспомним, что гендер, как политико-экономическое различие, структурирует разделение труда таким образом, что возникают гендерно-специфические формы эксплуатации, маргинализации и депривации/бедности. Далее вспомним, что как различие в культурных оценках, гендер также структурирует отношения признания таким образом, что возникают андроцентризм и культурный сексизм. Вспомним также, что в случае гендера как бивалентного различия экономическая несправедливость и несправедливость культурная не отделены отчетливо одна от другой; скорее они переплетаются и усиливают одна другую, поскольку андроцентрические и культурные нормы институционализированы в экономике, тогда как экономическая дискриминация препятствует равному участию в создании культуры, как в повседневной жизни, так и в публичной сфере.
- ³³ Я оставляю без внимания те случаи, что выглядят малообещающими с первого же взгляда. Хочу только оговорить, что политику признания культурного феминизма, нацеленную на возвращение феминности положительной оценки, трудно сочетать с политикой перераспределения социалистического феминизма, нацеленной на удаление гендерного измерения из политической экономии. Эта несочетаемость совершенно очевидна, когда мы трактуем признание “женского различия” как долгосрочную цель феминизма. Разумеется, некоторые феминистки понимают борьбу за такое признание не как предел стремлений, но как этап в том процессе, что, по их мнению, в итоге приведет к устранению гендерного измерения. Здесь, возможно, нет формального противоречия с социализмом. В то же время, однако, остается практическое противоречие, или хотя бы практическое затруднение: может ли акцент на женском различии здесь и сейчас действительно завершиться исчезновением гендерного различия в будущем? Обратный аргумент приложим в случае сочетания либерально-феминистского государства социального обеспечения и деконструктивистского феминизма. “Утверждение действием” для женщин обычно видится промежуточной компенсацией, нацеленной на достижение долгосрочной цели — “не различающего пол общества”. Здесь, возможно, опять-таки нет формального противоречия с деконструкцией. Но тем не менее остается практическое противоречие, или хотя бы практическое затруднение: может ли либерально-феминистское “утверждение действием” здесь и сейчас действительно привести нас к деконструкции гендера в дальнейшем?
- ³⁴ Affirmative action — американский термин, возникший в 60-е годы и обозначающий политику роста и расширения возможностей участия в общественной сфере для женщин и других дискриминированных групп, особенно в области трудоустройства. — *Прим. перев.*
- ³⁵ Здесь я предполагаю, что внутренние сложности компенсаторного преобразовательного признания (что обсуждались в сноске 24) не приводят к эффектам, обратным намерениям. Если все же практический эффект признания культурной политики деконструктивистского феминизма — это ярко выраженное гендерное различие, несмотря на официальную приверженность признания такого феминизма к раз-различению, подобные обращенные эффекты все же могут возникать. В этом

случае могут наблюдаться взаимные помехи со стороны перераспределения социалистского феминизма и признания деконструктивистского феминизма. Но, вероятно, он оказывает не столь парализующее действие, как тот, что связан с другим сценарием, рассмотренным выше.

- ³⁶ Вопрос о том, справедлив ли этот вывод в отношении этничности и национальности, остается открытым. Бивалентные сообщества коренного (или одно-коренного) населения определенно не стремятся вывести себя из игры в качестве групп.
- ³⁷ Это всегда было проблемой в отношении социализма. Хотя для сознания он заманчив, на практике — труднодостижим. Подключение сюда деконструкции, по-видимому, усугубляет проблему. Стратегия может оказаться слишком негативной и реактивной, т.е. *чересчур деконструктивной*, чтобы вдохновлять на борьбу от лица угнетенных сообществ, привязанных к своим уже существующим идентичностям.
- ³⁸ В последнее время объектом внимания исследователей стало “пересечение” тех различных осей угнетения, что я в этой статье в эвристических целях рассматривала по отдельности. Большинство таких работ касаются измерения признания; они направлены на доказательство того, что различные групповые идентификации и категории идентичностей сконструированы и сформированы во взаимосвязи. Например, Джоан Скотт показала (*Gender and the Politics of History*), что идентичности рабочего класса во Франции дискурсивно выстроены через символизацию в гендерном коде; Дэвид Р. Редигер показал (*The Wages of Witness: Race and the Making of the American Working Class*, Verso, London 1991), что идентичности рабочего класса в США кодированы в расовом ключе. В то же время многие исследовательницы, занимающиеся цветным феминизмом, показали, что как гендерные идентичности кодированы в расовом ключе, так и расовые — в гендерном. И наконец, мы с Линдой Гордон продемонстрировали, что гендерные, “расовые” и классовые идеологии вместе участвуют в конструировании сегодня в США понятий “взлѣрной зависимости” [зависимости от социальной помощи] и “низших слоев общества”. (См. Fraser and Gordon, “A Genealogy of ‘Dependency’: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State”, *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 19, no. 2, winter 1994.)

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В АНТРОПОЛОГИИ

Феминизм и антропология: история взаимоотношений

Генриетта Мур

Антропология — это изучение того, как
мужчины обнимают женщин

Бронислав Малиновский

Феминистская критика социальной антропологии, как, впрочем, и других социальных наук, выросла из специфической обеспокоенности феминизма тем пренебрежением, которое проявляла в отношении женщин эта дисциплина. Однако распутывание перипетий, воссоздание истории этого пренебрежения — довольно сложная задача. И делает ее такой ничто иное, как двусмысленность, с которой социальная антропология традиционно обращалась к теме женского. Ведь женщины отнюдь не игнорировались в традиционной антропологии. “На уровне “наблюдений” и полевой работы, поведение женщин, конечно же, как и поведение мужчин было исчерпывающе описано: их браки, их экономическая активность, их церемонии и их отдых” (Ardener, 1975a:1).

Женщины всегда присутствовали в этнографических рассматриваниях, в первую очередь — благодаря традиционной озабоченности антропологов про-

Перевод с английского Яны Ботман.

Перевод выполнен по изданию: Henrietta L. Moore, *Feminism and Anthropology* (Cambridge: Polity Press, 1988), pp. 1-12.